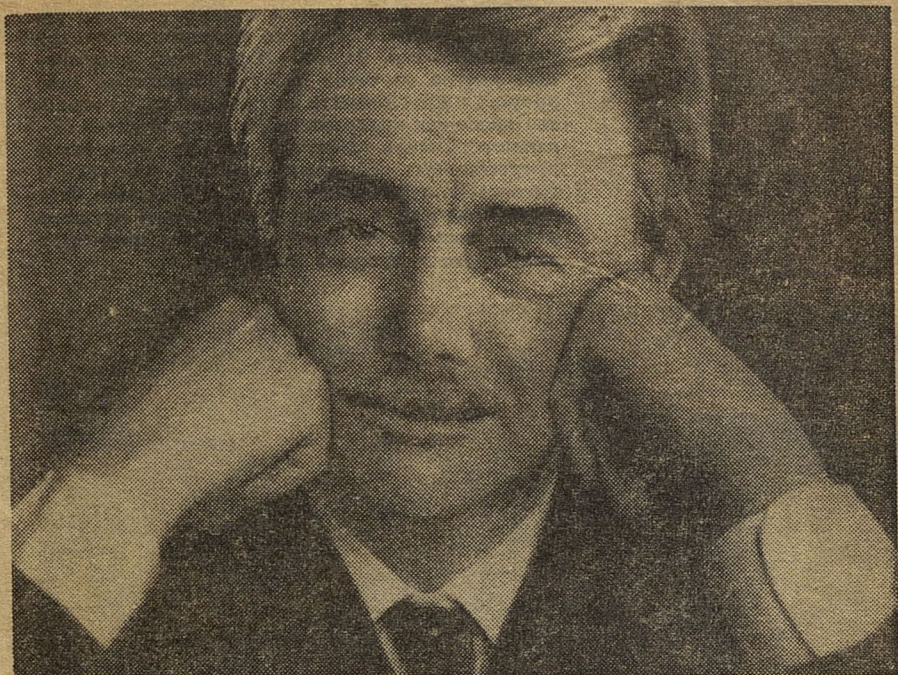

ЖИЗНЬ-ТВОРЧЕСТВО

НЕТ больше Нейгауза. Он умер утром 10 октября, в больнице. Ему шел семьдесят седьмой год, и он по-детски радовался, что родился 12 апреля — «в день Гагарина».

Что вкладывал он в эти слова? Многое, как и все мы. Он так знал жизнь, так понимал и любил ее, умел любить, что новая, даже еще не открытая высота нашей жизни была понятна ему, была родной ему, делала его счастливым. Это был крылатый человек. Другого такого нет. Артур Рубинштейн, его старый друг, сказал на днях, что нигде в мире нет больше такого Нейгауза.

Нас всегда восхищала молодость этого человека и художника. Молодость настоящая, в самом высоком и радостном смысле этого слова. Рядом с Генрихом Густавовичем к человеку приходило вдохновение. Рядом с ним люди становились умнее, благороднее, талантливее.

Сколько талантов открыл Нейгауз для нашего искусства, скольких людей воспитал, или, говоря его же словами, ввел в область духовной культуры, в область нравственных начал. «Да здравствует индивидуальность, долой индивидуализм!» — вот один из лозунгов Нейгауза.

В «Известиях» и «Неделе» Генрих Густавович не раз выступал как музыкальный критик. Он учил Музыке. В своей маленькой статье в «Известиях» об исполнении «его Рихтером» трех последних сонат Бетховена он написал, что самое высокое в искусстве и жизни и есть самое доступное. Он всегда учил этой высоте — высоте отношения к искусству. И всегда был уверен, что именно она нужна всем.

Он был всегда настоящим. Настоящим и скромным. Он оставил нам дивную книгу — «Об искусстве фортепианной игры». Это название никак не открывает всей глубины труда, который обращен не только к пианистам.

Когда Нейгауз ушел с концертной эстрады, он, до последнего дня продолжая заниматься с учениками, особенно много писал. Он был выдающимся музыкальным писателем, писателем-пропагандистом, высочайшей культуры публицистом.

Нет больше Нейгауза. А мы слышим его слова: «В моей душе уже в отрочестве смутно жило какое-то представление о моральной красоте, нравственном долге, служении людям, подвижничестве... Этические вопросы, вопросы достоинства, ценности человека, его душевной красоты, духовного величия всегда волновали меня не меньше, если не больше, чем самая прекрасная соната Бетховена или оратория Баха».

МЫСЛИ РАЗНЫХ ЛЕТ

Профессор Генрих НЕЙГАУЗ

БОЛЬШОЙ человек — это как бы высшая форма простого, обыкновенного человека, кристаллизация его, наиболее полное его выражение. И где-то в стороне лежит все остальное, все «необыкновенное», так называемые «интересные» люди, «вундеркинды» в бархатных куртках и т. п. Подобная мысль, хотя и в другой форме, высказывалась не раз художниками и мыслителями. Она говорит только о той глубокой, кровной связи, которую чувствует творческий человек с людьми, с народом, со всем миром.

Такие слова и мысли приходят в голову, когда думаешь о Чайковском. Его суровый и несправедливый критик Ц. Кюи видел в нем только «обыкновенного» человека, слышал только «обыкновенную» музыку в его операх, симфониях, песнях. Он упустил из виду малость: он не знал, что для того чтобы быть великим музыкантом, нужно быть прежде всего великим, а затем уже музыкантом. Он рассматривал музыку Чайковского просто как плохую или хорошую музыку, но почувствовал или не желая чувствовать, что за этим таится...

Но всегда были и будут критики, выполняющие функции прокурорского надзора в искусстве. Они быстро находят пресловутую ахиллесову пятую художника, точно регистрируют все его неудачи, судя его с точки зрения вершин, ранее достигнутых искусством. Но надо помнить, что ничего нет легче, чем найти недочеты у истинно гениального и оригинального человека. Если таланты горят, так сказать, только по праздникам и имеют досуг и терпение отшлифовать каждое свое произведение до отказа, то гении творят почти непрерывно, — работа их мозга напоминает emanation радия; а так как степень их вдохновения, естественно, бывает различна (в самой природе интуиции лежит прерыв-

истость), то и произведения бывают различной ценности, и поэтому критику очень легко определить более слабые произведения художника, беря мерилom его же наивысшие, наиболее вдохновенные творения.

Но, странное дело — время, великий судья, сглаживает разницу между наиболее слабыми и наиболее прекрасными произведениями большого художника. Мы учимся все более и более осознавать его как целостную, нераздельную личность, а совокупность его бесчисленных произведений — как одно творение, одно дело его жизни, одну направленность, одну страсть, одну волю.

«С точки зрения Моцарта», можно считать Бетховена грубым, лишенным легкости и грации. С точки зрения бетховенской архитектоники можно определить Шопена как композитора, не владеющего большой формой. К сожалению, некоторые критики иногда пользуются этим неопозволительно легким методом суждения ради суждения. Они не хотят примириться с тем, что на дубу растут только желуди, а не яблоки, а на яблоне не расцветают розы.

ИСПОЛНИТЕЛЬ — сложное и противоречивое существо. Он и любит то, что исполняет, и критикует его, и подчиняется ему всецело, и перерабатывает его по-своему. В иные минуты, и не случайно, в душе его господствует тот самый суровый критик с прокурорскими наклонностями. В лучшие минуты он чувствует, что исполняемое произведение — как бы его собственное, и он проливает слезы от радости, волнения и любви к нему. Ему не вредно знать также, каким окажется произведение в кривом зеркале пошлого воображения, чтобы тем вернее избежать утрировки, невольного «дружеского» или не дружеского шаржа...